

| Пролог |

Самая неуловимая и самая желанная цель духовных поисков — ключ к пониманию человеческой природы. Искавшие его традиционно исследовали лабиринты мифов: для религии это были мифы о сотворении мира и видения пророков, для философов — самоанализ и основанные на нем рассуждения, для искусства — утверждения, основанные на игре чувств.

Шедевры изобразительного искусства, в частности, являются отражением пути человека, воплощением чувства, которое нельзя описать словами. Возможно, в них таится и более глубокий, фундаментальный смысл. Отыскать его попробовал Поль Гоген, охотник за тайнами и, как его называли, прославленный «создатель мифов». История его жизни — достойный фон к ответу сегодняшнему, тому ответу, который заключен в этой книге.

В конце 1897 года в Пунаауиа, примерно в двух километрах от таитянского порта Папееэте, Гоген приступил к созданию своей самой большой и самой важной картины. Он был ослаблен сифилисом и изнуряющими сердечными приступами. Его кошелек был почти пуст, и он был подавлен известием о смерти своей дочери Алины, которая недавно скончалась во Франции от воспаления легких.

Гоген знал, что его время на исходе. Он полагал, что эта картина будет его последней работой. Дописав ее, он отправился в горы за Папееэте, чтобы совершить самоубийство. Он взял с собой заранее припасенную склянку с мышьяком, вероятно, не зная, как мучительна смерть от этого яда. Он рассчитывал затеряться в горах, прежде чем примет яд, чтобы его труп не был найден, а стал пищей для муравьев.

Однако затем он отказался от своего намерения и вернулся в Пунаауиа. И хотя его жизненные силы были на исходе, он решил не сдаваться. Чтобы выжить, он устроился клерком в Управление общественных работ и исследований в Папееэте, где ему платили шесть франков в день.

В 1901 году в поисках еще большего уединения он перебрался на небольшой остров Хива-Оа на далеких Маркизских островах. Два года спустя Гоген, запутавшийся в многочисленных судебных тяжбах, умер от сердечной недостаточности, вызванной сифилисом. Он похоронен на католическом кладбище Хива-Оа.

«Я дикарь, — писал он в письме Шарлю Морису незадолго до своей кончины. — Цивилизованные это чувствуют, потому что в моих произведениях удивляет, озадачивает именно это “невольное дикарство”».

Гоген приехал во Французскую Полинезию, практически на край света (дальше только острова Питкэрн и остров Пасхи), в поисках покоя и новых пределов художественного выражения. Если не первое, то второе он точно нашел.

Телесные и духовные странствия Гогена уникальны среди выдающихся художников его времени. Гоген родился в 1848 году в Париже, а вырос в Лиме и Орлеане, где его воспитывала мать, наполовину перуанка. Эта этническая мешанина определила судьбу художника. Молодым человеком он попал во французский торговый флот и шесть лет путешествовал по миру. В этот период (1870–1871 годы) он принимал участие во Франко-прусской войне, в сражениях в Средиземном и Северном морях. Вернувшись в Париж, он поначалу и не помышлял об искусстве, а стал биржевым маклером под руководством своего богатого опекуна Гюстава Арозы. Ароза — выдающийся коллекционер французской живописи, в том числе полотен современных ему импрессионистов, — пробудил в Гогене интерес к искусству и поддерживал его. Когда в январе 1882 года рухнул французский фондовый рынок и банк Гогена лопнул, он занялся живописью и начал развивать свое выдающееся дарование. Воспитанный на работах гениальных художников-импрессионистов — Писсаро, Сезанна, Ваг Гога, Мане, Сёра и Дега, — Гоген стремился влиться в их ряды. Портреты, натюрморты и пейзажи, которые он писал, путешествуя по Франции от Понтуаза до Руана, от Понт-Авена до Парижа, становились все более фантазмагорическими, предвещая того Гогена, который так хорошо нам знаком.

Однако Гоген остался недоволен результатом и вращался в обществе своих прославленных современников совсем недолго. Он не стал ни

богатым, ни знаменитым, хотя уже тогда знал (как утверждал позднее), что он — великий художник. Он мечтал о более простом и легком пути к величию. В 1886 году он писал, что Париж — «это пустыня для бедняка. [...] Я отправлюсь в Панаму и буду жить там дикарем. [...] Я возьму с собой кисти и краски и найду новые силы вдали от общества людей».

Не только бедность гнала Гогена прочь от цивилизации. Искатель приключений с мятущейся душой, он всегда стремился узнать, что находится за горизонтом. Вот почему он так любил эксперименты в искусстве. В путешествиях его привлекали экзотические культуры, и он хотел погрузиться в них в поисках новых способов визуального выражения. Он провел некоторое время в Панаме, затем перебрался на Мартинику. Вернувшись домой, он попытался устроиться на работу во французском протекторате Тонкин (ныне Северный Вьетнам). Получив отказ, он обратился к Французской Полинезии — истинному раю на земле.

9 июня 1891 года Гоген прибыл в Папэте и с головой погрузился в туземную культуру. Со временем он стал поборником прав местного населения и, соответственно, смутьяном в глазах колониальных властей. Что гораздо важнее, он разработал новый стиль, получивший название примитивизм, — плоский, пасторальный, зачастую чрезмерно красочный, простой и непосредственный, абсолютно самобытный.

Тем не менее напрашивается вывод, что новый стиль был не единственной целью поисков Гогена. Его также глубоко интересовала человеческая природа — что она есть на самом деле и как ее изобразить. В салонах европейской Франции, особенно Парижа, тысячи голосов кричали, требуя внимания, а интеллектуальной и художественной жизнью управляли признанные авторитеты, не видевшие дальше своей области знаний. Гоген понимал, что никто из них не мог бы создать новую гармонию из этой какофонии.

Это было возможно в более простом и в то же время абсолютно функциональном мире Таити. Именно здесь была надежда докопаться до самой сути человеческой природы. В этом отношении Гоген был заодно с Генри Дэвидом Торо, который чуть раньше уединился от общества в маленькой хижине на берегу Уолденского пруда, чтобы «...иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни и попробовать чему-то от нее научиться,

12 Хозяева Земли | Социальное завоевание планеты человечеством |

[...] сделать в ней широкий прокос, чисто снять с нее стружку, загнать жизнь в угол и свести ее к простейшим ее формам...»¹.

Такое восприятие мира лучше всего выражено на огромном (3,6 м в длину) шедевре Гогена. Приглядитесь к нему. На фоне расплывчатого смешения таитянских пейзажей, гор и моря мы видим ряд человеческих фигур. Большинство из них — женщины, ведь это Гоген таитянского периода. Как реалистичные, так и сюрреалистичные, они представляют собой жизненный цикл человека. Художник предполагал, что зритель будет рассматривать их справа налево. Младенец в правом нижнем углу символизирует рождение. Взрослая фигура неопределенного пола с поднятыми руками, стоящая в центре, — символ индивидуального самопознания. Немного левее — молодая пара, юноша срывает яблоко, девушка кусает другое, — Адам и Ева, жаждущие знаний. В левом нижнем углу сидит сгорбленная старуха с искаженным мукой и отчаянием лицом, символизирующая смерть (считается, что на ее создание художника вдохновила гравюра Альбрехта Дюрера «Меланхолия» [1514]).

С заднего плана левой части картины на нас смотрит голубой идол, поднявший руки в ритуальном жесте — возможно, благосклонном, а возможно, и враждебном. Сам Гоген описал его смысл с многозначительной поэтической двусмысленностью.

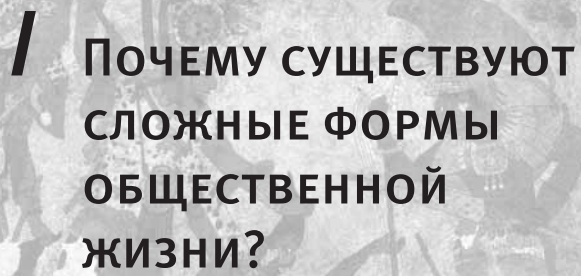
«Этот идол — не стоит понимать его буквально, он скорее фигура, в нем нечто животное, но все же меньше животного, и в моем воображении вот он, перед хижиной, стал одно с природой, властвует *над нашим первобытным духом*, в страданиях придуманное утешение перед лицом величия неразрешимой загадки нашего происхождения и нашего будущего» (курсив Гогена).

В верхнем левом углу картины художник написал ставшее знаменитым название этого полотна: *D'où Venons Nous / Que Sommes Nous / Où Allons Nous*².

Картина Гогена — не ответ, а вопрос.

¹ Уолден, или Жизнь в лесу (перевод З. Е. Александровой). — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Откуда мы пришли? / Кто мы? / Куда мы идем? (фр.)

/ ПОЧЕМУ СУЩЕСТВУЮТ СЛОЖНЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ?

1 | Человеческая природа. 14

1 | ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА |

«Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?» — эти предельно простые вопросы, написанные Полем Гогеном в углу его гениального таитянского холста, на самом деле являются центральными вопросами религии и философии. Сможем ли мы ответить на них? Иногда кажется, что нет. Но все же можно попробовать.

Современное человечество похоже на лунатика, балансирующего на грани между иллюзиями сновидений и хаосом реального мира. Сознание пытается, но не может нащупать точное место и время. Мы создали цивилизацию «Звездных войн» — с эмоциями каменного века, общественными институтами Средневековья и технологиями, достойными богов. Мы мечемся. Нас страшно сбивает с толку сам факт нашего существования; мы опасны как для себя самих, так и для всего живого.

Религия никогда не разрешит эту великую загадку. Со времен палеолита каждое племя, а их были бессчетные тысячи, создавало свой миф о сотворении мира. На протяжении долгого периода, когда наши предки творили мифы, потусторонняя братия беседовала с шаманами и провидцами. Сверхъестественные существа являли себя смертным в самых разных обличьях — как единый Бог, племя

богов, Святое семейство, Великий Дух, солнце, духи предков, великие змеи, всевозможные химеры, полулюди-полузвери, всеильные небесные пауки — все что угодно, все, что только могло привидеться во сне или в галлюцинациях или родиться в богатом воображении духовных лидеров. Эти существа отчасти оформлялись в соответствии с той средой, которая окружала их создателей. Полинезийские боги отделили небо от земли и моря, после чего была сотворена жизнь и появились люди. Пророки обитавших в пустыне патриархальных общин, в которых зародились иудаизм, христианство и ислам, создали образ божественного всеильного патриарха, говорящего со своим народом через Священное Писание.

В мифах о сотворении мира члены племени находили объяснение собственному существованию. Кроме того, эти мифы дарили людям ощущение, что именно их племя боги любят больше других. В обмен на благосклонность боги требовали абсолютной веры и повиновения. Эти требования были справедливы. Миф связывал членов племени нерушимыми узами. Он даровал верующим возможность самоопределения, внушал преданность, укреплял порядок, гарантировал исполнение закона, поощрял героизм и жертвенность и объяснял загадку жизни и смерти. Племя, будни которого не были подкреплены мифом о сотворении мира, не имело шансов на выживание — его ждали ослабление, распад, гибель. Поэтому каждое племя должно было с самого начала обзавестись своим собственным мифом. Мифы о сотворении мира служили эволюционным инструментом выживания.

Племенные конфликты, в которых объединенные одной верой «свои» противостояли «чужим», были главной движущей силой, сформировавшей биологическую природу человека. Правда мифа постигалась сердцем, а не умом. Мифотворчество само по себе не может раскрыть тайну происхождения человека и смысл его существования. Но в обратном направлении объяснение сработает. Если понять происхождение и смысл человечества, то возможно объяснить происхождение и значение мифов и, следовательно, суть организованных религий.

Можно ли примирить эти два мировоззрения? Если отвечать честно и просто, то ответ — нет. Примирить их нельзя. Контраст между ними определяет разницу между наукой и религией, между эмпирическим подходом и верой в сверхъестественное.

Итак, великую загадку человеческой природы нельзя разгадать, обратившись к мифологическим основам религии. Не поможет здесь и самонаблюдение. Рациональное познание как таковое не имеет в своем арсенале инструментов для познания себя самого. Основную часть мозговой активности познающий разум вообще не регистрирует. Как однажды заметил Чарльз Дарвин, мозг — это крепость, которую штурмом не взять.

Размышление о мышлении — стержень творческого процесса, но оно лишь в малой степени объясняет то, как именно мы мыслим, и совсем не объясняет того, как возникло само искусство. Сознание, эволюционировавшее на протяжении миллионов лет борьбы не на жизнь, а на смерть и, более того, появившееся в результате этой самой борьбы, не приспособлено для самоанализа. С самого начала оно было предназначено для выживания и размножения. Эмоции — движущая сила сознательной мысли; выживание и размножение — ее единственная конечная цель. Искусство способно исключительно точно передать мельчайшие движения сознания, но оно передает их так, словно бы у человеческой природы не было никакой эволюционной истории. Ярчайшие метафоры современного искусства приблизили нас к разгадке не больше, чем драматургия и литература Древней Греции.

Ученые, обследуя шаг за шагом эту неприступную цитадель, ищут уязвимые места в ее стенах. Благодаря новейшим разработкам им удалось пробить брешь и прорваться внутрь, и теперь они считывают коды и прослеживают связи миллиардов нервных клеток. Скорее всего, уже нынешнее поколение ученых сможет объяснить физическую основу сознания.

Но даже тогда сможем ли мы сказать, кто мы такие и откуда пришли? Нет, не сможем. Понимание работы мозга на самых глубоких

уровнях действительно приблизит нас к цели наших поисков. Однако чтобы окончательно ее достичь, нам нужно гораздо больше знаний как из области естественных, так и гуманитарных наук. Мы должны понять, как мозг стал таким, какой он есть, и почему.

Более того, не стоит надеяться, что разгадать великую загадку под силу философии. Несмотря на свою благородную цель и почтенное прошлое, чистая философия давно отказалась от попыток ответить на фундаментальные вопросы о человеческом существовании. Одно только обращение к этой теме погубило немало репутаций. Она стала этакой философской Горгоной, в лицо которой боятся взглянуть даже лучшие мыслители. Их опасения небеспочвенны. История философии — во многом цепь неудачных попыток построить модель человеческого разума. Поле философских размышлений усеяно обломками теорий сознания. После того как в середине XX века логический позитивизм, попытавшийся объединить науку и логику в замкнутую систему, пришел в упадок, профессиональные философы образовали своего рода интеллектуальную диаспору. Они эмигрировали в более «податливые» области знания, еще не освоенные наукой, такие как интеллектуальная история, семантика, логика, поиск фундаментальных основ математики, этика и теология, не говоря уже о самой доходной области прикладной философии, связанной с проблемами личностной адаптации.

Философы процветают в этих разнообразных сферах, и методом исключения мы приходим к тому, что по крайней мере в настоящий момент задача разгадать великую загадку лежит на плечах науки. Наука же обещает доказать и уже отчасти доказала следующее. Есть настоящая история формирования человечества, она лишь одна и не является мифом. Постепенно, шаг за шагом ученые исследуют эту историю, тестируют, дополняют и укрепляют ее.

Я думаю, что научный прогресс, особенно за последние лет двадцать, вполне может позволить нам внятно и убедительно ответить на вопросы, откуда мы пришли и кто мы такие. Однако для этого нам нужно сначала найти ответы на два еще более фундаментальных

вопроса, неизбежно всплывающих при обращении к этой теме. Первый — почему вообще развитая общественная жизнь существует и почему она так редка в истории жизни? Второй вопрос — какие силы вызвали ее появление?

На эти вопросы можно ответить, собрав воедино информацию из различных дисциплин — от молекулярной генетики, нейробиологии и эволюционной биологии до археологии, экологии, социальной психологии и истории.

Для успешной реконструкции этого сложного процесса будет полезно рассмотреть также других общественных завоевателей Земли — высокосоциальных муравьев, пчел, ос и термитов, — и именно это я и сделаю. На их фоне теория общественной эволюции человека приобретает глубину и перспективу. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что, ставя насекомых в один ряд с людьми, рискую быть неверно понятым. Мало нам было обезьян, скажете вы, теперь еще и насекомые! И все же такие сопоставления могут принести огромную пользу для понимания биологии человека. Есть прекрасные примеры плодотворного сравнения малого с большим. Для изучения принципов молекулярной генетики человека биологи с успехом используют бактерий и дрожжи. Для понимания основ нашей собственной нервной организации и памяти не обойтись без круглых червей и моллюсков. А сколько нового о развитии человеческих эмбрионов рассказали плодовые мушки-дрозофилы! Общественные насекомые принесут нам не меньшую пользу — сравнение с ними поможет разгадать загадку происхождения человечества.